

Художник В. Камаев

Художник П. Перевезенцев

Правдивый чай

Юлия Сиромолот

Я знаю силу слов.

В. Маяковский

Ярко-желтая вывеска, клоунская физиономия с торчащим, как у пса, ухом — да, похоже, до приюта «Варфоломей» я все-таки добрался. Долгая дорога оказалась, устал ужасно. Но Форд, во-первых, настоятельно рекомендовал, а во-вторых, у меня в рюкзаке был подарочек для хозяйки гостиницы. Такие сантименты были совершенно не в Фордовом духе — наверное, поэтому я согласился.

Дверь под вывеской была заперта. Я постучал — с той стороны залаяли собаки, голосов на пять. Замок клацнул. Здоровенный дядя в зеленом хирургическом костюме отворил дверь, на ходу подхватывая зверей помельче и отпихивая тех, что покрупнее.

— Мне бы... эээ... Лилию Исаковну.

Хирург (он-то что здесь делает?) кивнул: туда, мол. Я вошел и понял, что приют, конечно, здесь есть, но, кажется, ветеринарный. Об этом-то Форд не упоминал.

В неосвещенном коридоре вдоль стен стояли клетки и переноски. Некоторые — точно обитаемые: шильцы шуршали, сопели, пару раз сверкнули глаза.

Я пробился через пластиковую занавеску, какие устраивают в заводских цехах, и оказался в полутемном помещении. Мерцало стекло, отсвечивало дерево, пахло уже не ветлечебницей, а корицей. Настольная лампа, стол, за ним старушка — лицо, как печеное яблоко, паутиная седина.

— Добрый вечер, — сказала она. — Я Лилия Исаковна. У вас там кто? Ну, кого вы привезли? Или вы забрать?

— Я вообще-то думал, здесь гостиница... Форд сказал, чтобы я остановился именно у вас, и... — тут я как раз успел нащарить коробку, — и он еще вам просил передать. Вот.

По лицу старушки тенями скользнули непонимание, удивление, усмешка.

— Форд? Кто это? Ах, да, припоминаю... такой очаровательный иностранец. Инженер, кажется? Бывал тут, да... У него бульдог. Что же вы стоите, пойдете!

Мы вышли через какую-то другую дверь и стали подниматься по лестнице. Насчет Дэви Форда, конечно, было правдой, что он иностранный инженер. В остальном я был не очень уверен. Очаровательным я бы его точно не назвал, а уж интересоваться насчет домашних любимцев... Он и сам был вылитый бульдог.

— У нас тут приют для животных, как видите, — продолжала старушка, бодро шагая впереди. — Ну и время от времени бывают выставки, соревнования. А гостиница не всякая пускает с животными, поэтому несколько номеров у нас есть. Вот, собственно, сюда.

Щелкнул замок, вспыхнул свет.

— Отлично, то, что надо, — выдохнул я, не кривя душой. — Спасибо. Сколько за ночь?

— А завтра, завтра все. — От Лилии Исаковны остался

ФАНТАСТИКА

только легкий голосок, эхо, «топ-топ-топ» в коридоре.

Я присел на застеленную пестрым лоскутным одеялом кровать. Ноги мои... шея... В глазах, кажется, вся дорожная пыль собралась. Забавный у них тут стиль. Как это? Колониальный? Обои с букетами, везде шторы, подвязанные внизу, камин. Полочки, вазочки, сухой букет, большущие настольные часы. О, уже поздно все-таки. Рядом с часами — фото в рамке: молодая женщина, очень красивая, в свадебном платье, а на руках у нее, словно какая-то невиданная дуэнья — пышные юбки, фартук, белый чепец, — маленькая собачка с суровым выражением на длинной черной мордочке.

Утром на «даме с собачкой» первым остановился взгляд. Потом я снова разглядел занавесочки, букет и камин с часами. Боже, что за бабушкина дача? А, ну да — собачий приют... Семь утра. На заводк десяти, значит, пора вставать. Неизвестно еще, позавтракать дадут ли. А то насыпят сухариков миску да воды нальют — кушайте, гости дорогие. Однако внизу в приемной старушка Лилия Исаковна пила чай с бутербродами.

— Доброе утречко, — сказала она. — Как спалось? Присоединяйтесь. Вам кофе или чаю?

— Отлично спалось, спасибо. Чаю было бы неплохо.

— Выбирайте тогда, какой заварить.

Хозяйка пододвинула мне китайский сундучок, набитый разнокалиберными пакетиками, коробочками и баночками. Я не люблю зеленый чай и не очень жалую травяные смеси, но одна из коробочек сильно пахла мятой и анисом, как леденцы. На ней была надпись от руки: «Правдивый чай».

— Запах такой приятный. Как в детстве.

— Вкус тоже приятный, — заметила Лилия Исаковна.

— А что там? И почему «Правдивый»?

— Ну, наверное, потому, что настоящие травы: бадьян, шиповник, пустырник, будра. Это вообще-то лечебный чай, витаминный и успокаивающий, но можно и просто так. А еще он иногда помогает слышать правду.

— Как это?

Старушка пожала плечами:

— Не знаю. Но считается, что если его выпить, то все как-то... проясняется, что ли. От головной боли, во всяком случае, помогает.

Хм. Голова у меня не болела, но вот ясность и спокойствие... Не то чтобы я чего-то опасался на заводе, наоборот, но место новое, и установку их я до этого никогда не видел. Вдруг что-то не так пойдет, спокойствие мне бы не помешало, да и ясность тоже. Так что я заварил себе правдивого чаю и, ожидая, пока он настоится, прошел за Лилией Исаковной к рабочему столу. Мне нужно было заплатить за ночлег, а там у нее был терминал, я заметил, когда спускался.

— И что вы так торопитесь расплатиться? И откуда знаете, сколько тут пробудете?

— Очень просто: мне послезавтра в главконторе надо быть, а туда сутки почти ехать. Значит, все дела надо закончить сегодня.

— Вам виднее, эээ... О, что здесь написано, я правильно прочла? «Яноро»?

— Да. Это цыганское имя, означает «январь».

— Неужели?

— Строго говоря, в честь святого Януария. Но меня называли в честь января, да. Бабушка постаралась. А так вы можете звать меня Ян.

Интернет у нее был очень неторопливый — пока машинка считывала карточку, я успел и чаю отхлебнуть (он и на вкус отзывался леденцами), и рассмотреть на рабочем столе среди всякой канцелярской мелочи смешную чугунную статуэтку. Высотой в ладонь, она изображала, кажется, запорожца — широкие штаны с напуском на сапоги, вышиванка, трубка в одной руке и большая соломенная шляпа в другой, — вот только вместо положенного чуба и длинных усов — большие висящие уши и вытянутая морда гончей. У этого запорожца была собачья голова!

— Вот ваша карточка, Ян, — сказала наконец Лилия Исаковна. — Хорошая вещица, правда? Уж и не знаю, где наш друг Дэви такую раздобыл. Передайте ему от меня большое спасибо.

«Я знаю силу слов» — было написано на плакате у дороги. Я усмехнулся. Иногда это бывает забавно: вот, к примеру, сколько раз я слышал в детстве песню о том, как «вышел в степь широкую парень молодой», а теперь вот эти самые «курганы темные, солнцем опаленные» тянулись справа от дороги. Только были они не темные, а самых невероятных цветов — розовые, красные, словно в самом деле солнцем опаленные, светло-фиолетовые и даже зеленые, поросшие лесом. Между ними стелились золотые поля — бесконечный подсолнечник, а выше было только синее небо без единого облачка.

У поворота на завод «Мак-Леннан» тоже росли подсолнухи, огромные, — я таких сроду не видел. С поля доносился смех. Какие-то русалки полевые в курточках с фирменным логотипом фотографировались там посреди гигантских цветов. Мне помахали руками и что-то такое прокричали веселое. Я не расслышал, но тоже помахал рукой.

Завод жил полной жизнью. На проходной стояла очередь из грузовиков. Стаи одурелых от счастья голубей топтались по тентам и курлыкали, как пьяные. Охранник что-то пробурчал в противопылевую маску. Я показал ему паспорт, получил пропуск на цепочке и прошел на территорию. Первым делом предстояло познакомиться с директором. Вслед за щебечущей секретаршей (полон рот резинки у нее, что ли? Ни слова не разобрать было...) я поднялся на второй этаж, прошел мимо целого улья сотрудников, сидевших в стеклянных клетушках, и пожал руку загорелому дядьке с казацкими усами.

— Хэло мистэр...эээ...Шерни...Черни...

— Чернышевский, — сказал я. — Да там с другой стороны по-русски написано.

Директор облегченно вздохнул. Еще бы — после Дэви-то, который, кроме английского и некоторых смачных валлийских выражений, никаких других языков не знал. На радостях он забормотал что-то дружелюбное. Голос у него был тихий, да еще эти усы... Я бы и переспросил, но тут директор хлопнул меня по плечу: «Лады?» — «Лады», — отвечал я, потому что в целом догадывался, что ничего особенного

он мне сказать и не мог, во всяком случае, не в первые же пять минут знакомства.

Но все-таки было в этом что-то странное. Время от времени на столе включалась рация. Секретарше директор тоже что-то такое сказал, когда она выходила, — и не в усы, разумеется. Пока мы друг другу представлялись, заглянул еще кто-то из заводчан и тоже обменялся с директором парой слов. И я, конечно, все это слышал. И ничего не понимал. Сначала я подумал, что дело в непрерывном шуме — мимо администрации то и дело проезжали грузовики, где-то на территории вскрикивал маневровый тепловоз, цеха издавали не очень громкий, но все-таки ощутимый гул, да еще эти голуби, — все это должно было, конечно, сливаться в белый шум. Но никогда раньше такого не было, чтобы я слышал, что мне говорят, а разобрать не мог, кроме некоторых слов: как будто люди не то свистели птицами, не то журчали ручейками. Странное было ощущение, я уже стал понемногу напрягаться.

Директор поднялся и сделал недвусмысленный жест: пойдемте, мол. Я подхватил рюкзак и потопал следом. Вдвоем мы дошли до железной двери, из-под которой прилично сквозило. За дверь оказалась лаборатория.

— Бурум-бурум, пурурум оного, Елена Ивановна! — произнес директор. — Фурурух Ян Чернышевский. Пум-пурурум пурум-пум-пум.

Елена Ивановна, приятная женщина лет сорока, в заводской голубой рубашке на кнопках и в зеленых форменных брюках, прямо просияла:

— Иван Давыдович, оёёй же! Ах и оного, Ян, ойлилей улюлю?

— Нет, спасибо, — отвечал я наугад, сообразив, что она предлагает чай или кофе. — Мне бы пробы воды бы взять.

Так оно дальше и пошло: самого себя я слышал и понимал вполне нормально, но с речью окружающих сделалось что-то совсем не то. Она сливалась в щебет и журчание, в урчание и громыхание, и из нее до меня долетали только имена да какие-то отдельные слова. Если бы не это, вообще бы потерялся. Я нацепил самую широкую и приятную улыбку и в паузах, там, где по интонации предполагал, что от меня требуется какая-то реакция, кивал или делал значительное лицо, но внутри был зол, как сто чертей. Ясность и спокойствие, значит? Ну, Лилия Исаковна... ну, собачий чаек!

С другой стороны, ну что в том чае было такого? Что я, отвара шиповника не пил сроду? Пустырник вон и в аптеке продают, бадьян кладут в глинтвейн, а будрой этой раньше простуду лечили. Травм головы я за собой не знал, провалов в памяти вроде бы не замечал до сих пор — так что будем надеяться, сказал я себе, что это и впрямь какие-то травы в хозяйкином собачьем чае, а раз так — значит, рано или поздно это пройдет. К тому же сам-то себя я слышу, меня вроде бы понимают — говорю, не лаю, а что бы мне тут ни сказали в первый день — ну ей-богу, не так уж это важно.

Выглядел я, наверное, поэтому чрезвычайно сосредоточенным. Поскольку светскую беседу я поддерживал слабо, начальница лаборатории отвела меня в котельную и оставила на операторов, а тем было не до разговоров — и из-за работы, и из-за того, что котел шумел, как сто тысяч сумасшедших чайников.

Я люблю котлы. Я вообще люблю производство, даже самое пахучее и пачкотное, вроде коксовых батарей. Я помню, когда впервые попал на металлургический завод, ходил повсюду, разинув рот, — потому что это красота. За двести лет развития все агрегаты успели принять идеальную форму,

все схемы стали выверенными до мелочей. В кислородном цехе, когда сталь полилась из конвертера, я поверил, что «Болеро» — об этом. Нефтеперерабатывающие заводы кажутся мне похожими на космические корабли — особенно зимой, когда на платформах колонн рано включаются прожекторы. А этот вот завод, с его запахом поджаренных семечек и скотного двора, был такой уютный и домашний, чистенький — ну просто хуторок в степи.

С разрешения оператора (он просто кивнул на мой вопрос) я обошел котел, погладил барабан по желтому металлопластиковому боку. Заглянул из любопытства в топочный глазок («Там бушует пламя огня!» — говаривал наш преподаватель на курсе процессов и аппаратов, то-то я его припомнил), осмотрел деаэратор — нет ли кислородного питтинга — нет, значит, все наши хитрые жидкости работают, как надо. И пошел смотреть на машину обратного осмоса, главную мою подопечную. Анализ-то я потом в лаборатории сделаю, но и по рабочим показателям было видно, что проблем с котлом особых нет.

Машина тоже была в полном порядке, из пробоотборного краника потекла бриллиантовая, сверкающая струя. Чистую воду я люблю, наверное, даже больше котлов и заводов. Это моя работа — делать из грязной воды чистую, из непригодной — пригодную, из опасной — безопасную. У меня для этого есть прекрасные аппараты, всякие хитроумные и не очень химикаты, а заодно у меня есть дороги, свобода и радость видеть белый свет. Как такую работу не любить-то.

Заводчане оказались молодцы. Дэви их небось держал тут в строгости — ну и я тоже буду. Из котельной я перешел в соседний цех, где стояла система обслуживания градирни. Возился там в углу, протирая пыльные крышки насосов и разбирая отметки на баках с химикатами, сделанные Фордом, и вдруг услышал совершенно неподобающие звуки. На фоне того, что мне весь день мерещилось, детский смех звучал не так уж странно, но чтобы тут? Я оглянулся, словно и в самом деле ожидал увидеть детишек: ведь кто-то же говорил тонкими голосами: «Ой... да ну тебя... не-а... боюсь... хи-ихи...» И увидел трех щенков — белого, рыжего и черного.

Белый с рыжим пасли задних, приседали, трясли голову, а черный с подпалинами на морде вразвалочку топал вперед. «Смо-о-отрит», — опять сказал кто-то детским голоском на грани слышимости. А может, конечно, и подшипник какой заверещал в конвейере или компрессор на панели чем-то там пискнул. Я присел и протянул чернышу руку. Щенки, должно быть, народились от какой-нибудь бродячей мамашки, прикормленной работниками. Вид у них был «дворянский», морды хитрые и бесшабашные, а черный глядел уморительно отважно и серьезно, и я уже почти погладил его по голове, когда на нас пала тень.

Директор Иван Давыдович стоял над нами, и выражение лица у него было отнюдь не благостное.

— А ну, кыш! — Белый и рыжий прыснули прочь. Черный щенок спрятался за мою ногу и свирепо зыркал на директора из-за ботинка.

— Бррум. Буруррум, — изрек директор, брезгливо топая усы.

Он достал рацию, и голос его вдруг разнесся четко и ясно — видимо, по каналу громкой связи.

— Безобразие, — сказал он. — У нас тут пищевое предприятие или что? Почему в цеху подготовки подросшие щенки? Значит, так. Если вы их сегодня до конца смены не разберете, я их утилизирую. — И он многозначительно посмотрел на нас с чернышом.

ФАНТАСТИКА

— А позвольте спросить, как вы собираетесь их... утилизировать?

— Да очень просто, — отвечал Иван Давыдович вполне внятно. — Положу в мешок и — бурурум.

Я взглянул на черно-подпалого. Щенок — на меня. Мне собака была совершенно не нужна, но я бы мог его отдать Лилии Исаковне — нечего наливать постояльцам всякий подозрительный чай... Щенок тихонько заскулил, но не жалобно, а очень настойчиво. Словно говорил: «А я пойду с тобой». Я взял его за загривок и сунул под куртку.

— Вот и бурурум, — заметил директор, похлопал меня по плечу и удалился.

В общем, первый день прошел удачно, особенно если учитывать собачий чай. Я еще устроил небольшое шоу в лаборатории. Сначала химики ахали и охали на щенка, а потом ахали и охали при виде полевой лаборатории: машинка-то величиной с ноутбук, покапаешь на подвижный диск в лунки — и она тебе через пару минут пишет, сколько кальция, сколько фосфора, сколько углекислоты. Ни титрования, ни цветных шкал, все чисто, быстро и аккуратно. Хотя по титрованию, конечно, я немного скучал — в этом тоже чудо есть, хоть и нехитрое. Я составил отчет, отдал копию Елене Ивановне, копию отнес секретарше, выслушал напутственные «угугу» и «тилили», раздал визитки и уехал.

Щенок по дороге вел себя прилично, задремал и опомнился только почти у самого приюта. Весь его вид был такой, словно он говорил: «А? Что? Мы это где?»

— Привет, — сказал я. — Проснулся, парень?

Не успел я открыть дверь главного входа и протиснуться внутрь, придерживая одной рукой рюкзак, а другой — щенка, как из-под занавески, закрывавшей вход в приют, с оглушительным лаем выскочило нечто размером с пушечное ядро и прижало нас к двери. Оно лаяло, рычало и недвусмысленно клацало зубами. Щенок в ответ залился визгом, принялся царапать и биться и тоже клацал в ответ, а я пытался удержать малявку и отпихнуть подальше настырное чудовище. И тут подоспела Лилия Исаковна.

— Папа! — грозно закричала она. — Папа, дурачина ты такая, фу, фу!

Пес по имени Папа, услышав хозяйкин голос, отступил на полметра и уселся, не переставая скалиться. Я сегодня уже мало чему мог бы удивиться, но это было натуральное чучело в костюме пирата — треуголка, повязка через глаз, синие штаны с широким поясом, на котором болталась — чтоб мне провалиться! — кривая сабля, и в ухе золотая серьга.

— Извините, Ян. — Лилия Исаковна решительно подняла исчадие ада с пола. — Это Папа Разорваки, он просто у нас звонок.

— Ничего себе звонок. Папа? Разорваки? А почему он пират?

— Ой, да это ж просто карнавальный костюмчик. У нас скоро выставка собак, будет шествие, а я, видите, еще и шью вот на них, шью и примеряю. А Разорваки он у нас понятно почему. — Мастерница с нежностью прижала к себе пытящего пирата, тот лизнул ее в нос. — Ну, выходит, он как бы грек. А раз грек, то Папа. Это дочь моя, Марина, придумала все.

— «Янаки, Ставраки, Папа Сатырос...»

— Ну, в общем, да. О, а кто это у вас там?

Я вытащил черныша из-под куртки и рассказал, как было дело. Заодно уж рассказал и о том, как целый день слышал все через пень-колоду.

— Могли бы про чай-то и предупредить.

— Да я и предупреждала. И потом, не всегда можно угадать, как подействует. А что с находкой-то делать будете?

Я собирался сказать: «Ну так вам оставлю», но черныш посмотрел на меня, потом на придурковатого Папу Разорваки и сердито заскулил. И я опять услышал: «С тобой хочу... хочу с тобой...»

— Что такое, Ян? Не решаетесь?

— Да как-то... Сами посудите, я в разъездах все время...

— И он будет с вами разъезжать. Это будет собака средних размеров, я вижу. И крепенький он такой... прекрасный будет сторож, и нескучно. А как помогает знакомиться с людьми!

— А гостиницы?

— Здесь — у меня будете останавливаться. А в других городах — так я вам дам адреса. Хоть здесь, хоть за границей. Собачники же — это все равно что мафия... в смысле семья.

— А граница? Документы? А прививки?

— Прививки и документы я вам сделаю. Паспорт, чип. Вы же к нам опять приедете? Когда?

— Через месяц.

— Ну вот. Как раз карантин высидит.

— Как у вас все просто получается.

— Многое вообще гораздо проще, чем кажется.

Чем кажется... Ох, елки-палки! Мы стояли у двери, вечер-

ний свет падал сквозь стекла, и мне как раз показалось, что у славной Лилии Исаковны в отражении вместо седого каре — длинные уши, словно у гончей, и глаза такие же — миндалевидные, и профиль удлинился — она стала очень похожа на ту статуэтку. У меня, видно, отвисла челюсть. А Лилия Исаковна, обернувшись снова обыкновенной старушкой, усмехнулась:

— Что, чаек все не отпускает?

— А разве так бывает?

— Да кто же его знает, мальчик мой. Кто его знает. В конце концов, страну псоглавцев древние авторы помещали как раз здесь вот. Среди скифов и сарматов.

— Но псоглавцев же не бывает. Как кентавров. Как...

— Ну мало ли чего не бывает. Может, мы просто очень ловко обращались с животными. Я вот с собаками с детства, и мне кажется, они точно наши братья, и не всегда меньшие. Вот и вам судьба братика подкинула. Так что, идемте? Все равно чип надо ставить, осматривать, а вы поддержите...

— Джанго, — сказал я.

— Ну вот, и имя уже ему дали.

— Ну да.

Новонареченный братец вылез мне на плечо и ткнулся в шею холоднющим носом. И опять я услышал почти ультразвуковой писк: «Ухи только... не трогай... не крути!»

— Не будем мы твои уши трогать, разве только посмотрим, чтобы без клеща, — отозвалась Лилия Исаковна. И в ответ на мой очередной оторопелый взгляд добавила: — Да. И это, друг мой, тоже. И может быть, даже навсегда. Но думаю, это у вас врожденное, и чай тут ни при чем. Разве только помог услышать.

Я кивнул. И мы сделали все, что нужно. И оформили паспорт. И Джанго, прежде чем пойти играть и возиться с Папой Разорваки, снова поглядел на меня не по-собачьи серьезно: «Возвращайся».

Я вернусь. Не только потому, что здесь дела, и завод, и город, который еще нужно будет узнать, и Джанго. Я вернусь, потому, что я знаю силу слов. Особенно правдивых.